

В.В. Асташин

**КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ ПАТРИАРХ КИРИЛЛ
ЛУКАРИС В ПЕРЕПИСКЕ ГУТО ГРОЦИЯ
И ЙОХАННЕСА УИТЕНБОГАРТА
(из истории взаимоотношений христианских
Церквей в первой трети XVII в.)**

Вопрос о реакции западноевропейского общественного мнения на деятельность патриарха Кирилла Лукариса и выход в конце 1620-х гг. кальвинистского «Исповедания», принадлежавшего перу греческого прелата, на первый взгляд, представляется достаточно изученным. Вместе с тем более внимательный анализ имеющихся в нашем распоряжении документов и исследований показывает, что в основном хорошо известны лишь отклики католического мира. Главным образом речь идет о реакции высшего католического клира во Франции и Италии, а также женевских и голландских протестантов, принадлежавших к ортодоксальному крылу кальвинизма¹. Но надо иметь в виду, что протестантское сообщество уже давно было разобщено. И единого мнения не могло быть по определению. А нюансы, различия в настроениях со стороны некоторых протестантских групп по отношению к патриарху, высказывавшему открыто свои кальвинистские взгляды, нам почти неизвестны. Аналогичная ситуация складывалась в Римско-Католической Церкви и всем католическом мире. Далеко не все здесь оценивали греческого владыку с позиций римской курии, которая имела, кроме всего прочего, политические виды на православный Восток. Исходя из этого целью данной статьи будет анализ оценок представителей религиозной оппозиции в протестантском мире (его кальвинистской части) и, отчасти, в католическом мире.

Патриарх Кирилл по праву считается одним из самых образованных и талантливых иерархов греческой Православной Церкви. Он имел широкую переписку со многими известными политиками, церковными деятелями, богословами и учеными Европы. Но его политические и религиозные симпатии были явно на стороне Республики Соединенных Провинций Нидерландов. Вместе с тем активные контакты К. Лукариса с голландскими богословами и политиками развивались в то время, когда кальвинистская церковь в Голландии раскололась на «ортодоксов» — гомаристов и «либералов» — арми-

ниан (ремонтрантов). Это имело очень серьезные последствия для религиозной и политической обстановки в стране.

Начало контактам Кирилла Лукариса с представителями голландской интеллектуальной элиты было положено в 1612 г. В тот период Кирилл был предстоятелем Александрийской Церкви, а в январе–феврале 1612 г. совмещал эту должность с функциями местоблюстителя константинопольского престола в связи со скандальным изгнанием патриарха Неофита, правившего с мая 1608 г. по январь 1612 г. Вероятно, именно в эти месяцы Кирилл познакомился с первым голландским послом в Османской империи Корнелиусом Хагой². Дипломат стал другом и доверенным лицом патриарха и рекомендовал греческого владыку Йоханнесу Уитенбогарту — гаагскому священнику арминианского толка. 30 мая 1612 г. Кирилл отправил первое письмо своему новому знакомому. В нем он главным образом жаловался на трудности, испытываемые греческой Православной Церковью под гнетом турок³. Кроме упомянутого письма нам известны еще два: от 9 сентября 1613 г., отправленное из Валахии⁴, и от 10 октября того же года, рассказывавшее об устройстве греческой церкви и подробно излагавшее ее догматику⁵.

Здесь, пожалуй, уместно отметить несколько деталей. Й. Уитенбогарт, К. Хага и Гуго Гроций были связаны не только принадлежностью к единой родине. Голландский посол в Османской империи хорошо знал Г. Гроция. Во-первых, оба они в одно и то же время изучали право в Лейденском университете. Во-вторых, в 1622 г. К. Хага женился на Алетте Брассер, происходившей из города Дельфа и рода де Гроот, т.е. таким образом посол Республики Соединенных Провинций стал родственником видного голландского юриста⁶. Мы не располагаем источниками, которые упоминали бы о личных контактах двух видных мужей, но в письмах Гуго Гроция имя Корнелиуса Хаги упоминается довольно часто⁷. Что же касается Йоханнеса Уитенбогарта, то его связывала долгая дружба с Гуго Гроцием. В течение некоторого времени начиная с 1599 г. Гроций, будучи практикующим юристом в Гааге, проживал в доме пастора. Кроме того, двух друзей еще больше объединяли общие политические и религиозные пристрастия. Оба были последователями Я. Арминия.

Гроций очень интересовался теологическими вопросами и, насколько можно судить по его письмам и сочинениям, хорошо разбирался в них, что не должно вызывать удивления, так как глубокие знания в богословии были свойственны многим образованным людям того времени. Он переписывался со многими видными церков-

ными деятелями, в частности с бывшим Сплитским католическим архиепископом Марком Антониом де Доминисом (ок. 1560–1624). Этот человек приобрел известность после того, как в 1616 г. бежал в Англию и перешел в англиканское вероисповедание. Но Г. Гроция привлекало в нем не это, а глубокие познания архиепископа в области естественных наук и богословия. Теперь мало кому известно, что Марк Антоний написал несколько сочинений по оптике и астрономии, которые впоследствии получили высокую оценку Исаака Ньютона и Джона Локка. А в начале 1620-х гг. внимание многих образованных европейцев привлекло главное церковно-политическое сочинение М.-А. де Доминиса «О Церковной Республике против Прimate Папы»⁸. Эта книга вышла как нельзя кстати, поскольку в Центральной Европе разворачивался крупный конфликт между католиками и протестантами — Тридцатилетняя война (1618–1648). Столкновения между противниками проходили не только на полях сражений. Шла также идеологическая война — война памфлетов. Книги становились не менее важным инструментом воздействия на врага, нежели солдаты, пушки и корабли. Значительный вклад в идейную борьбу того времени внесли сочинения Марка Антония, Гуго Гроция, Кирилла Лукариса и многих других авторов. Гроций одним из первых получил книгу Марка Антония. Их взгляды на церковно-политические проблемы в целом совпадали. Так, 30 октября 1617 г., отвечая архиепископу де Доминису на письмо, сопровождавшее книгу «О Церковной Республике», Гуго Гроций писал: «Ты достоин больше, чем наша знать, чтобы я решил отдельно написать письмо <...> тем более, что ты осуждаешь церковный раскол из-за волнений по поводу свободы епископских споров о Предопределении и предлагаешь лекарство братской любви, напечатав [свой] труд. Разве не огорчает то, что христианский мир расколот во всех странах, которые, пребывая до сих пор в темнице, вырвались [на свободу]; и [все] это не из-за дел веры, а из-за теологических вопросов и оттого также, что они изо всех сил заботятся, чтобы не услышали мыслей древней Церкви»⁹. Голландец здесь вполне искренен, так как почти одновременно с Доминисом, в 1614–1617 гг., написал сочинение «De Imperio Summarum Potestatum circa Sacra» (впервые опубликованное только в 1647 г.), идеологически сходное с сочинением «О Церковной Республике...».

Возвращаясь к теме отношений Кирилла Лукариса с голландскими учеными и теологами, стоит отметить один очень интересный факт. Патриарх поддерживал контакты с представителями обоих

враждующих лагерей в кальвинистской общине Соединенных Провинций — гомаристами и арминианами. И хотя Кирилл тщательно уклонялся от оценок той или иной теологической позиции¹⁰, очевидно, на первом этапе он симпатизировал арминианам (ремонтрантам)¹¹. Тем не менее после 1620 г. К. Лукарис по неясным для нас причинам (под влиянием либо политической ситуации, либо решений Додрехтского собора 1619 г.) перешел на позиции ортодоксального кальвинизма. О реакции на этот шаг корреспондентов Кирилла из числа ремонтрантов почти ничего неизвестно. Но тот факт, что Й. Уитенбогарт перестал поддерживать переписку с К. Лукарисом, вероятно, можно считать самым красноречивым ответом на возникающие вопросы. Кроме того, мы располагаем рядом писем Й. Уитенбогарта конца 1620-х — начала 1630-х гг., которые могут подтвердить наше предположение.

Мы начнем наше рассуждение, не придерживаясь строгой хронологии событий. Наоборот, процитируем единственное известное нам письмо Гуго Гроция Кириллу Лукарису, которое датируется февралем 1638 г. Оно отправлено за четыре месяца до трагической смерти К. Лукариса. В весьма благожелательном тоне Гроций завершает его следующими словами: «Я же в особенности прошу для Твоего Святейшества, и о себе напоминаю, у Бога, чтобы он позаботился о тебе, чтобы также увеличил науки во всей их красоте и объединил ради пользы весь христианский народ, [чтобы] Пастырь Церкви возлюбил Твое Святейшество»¹². Было ли это данью вежливости или отражало действительное положение дел? Нам представляется, что скорее первое.

Голландец обладал полной информацией о деятельности Кирилла Лукариса из разных источников, в том числе от Й. Уитенбогарта¹³. Очевидно, что это свидетельство глубокого интереса Гроция к патриарху. Этот интерес подогревался конкретными политическими событиями, происходившими в Европе на рубеже 1620–1630-х гг. В этот период в ходе Тридцатилетней войны наступил перелом, а против Габсбургов и их союзников вскоре должны были образоваться два фронта, в Германии и Восточной Европе. Кирилл Лукарис принимал самое активное участие в дипломатической борьбе, целью которой было привлечение к антигабсбургской коалиции Русского государства, Трансильвании и Османской империи. К тому времени он уже почти десять лет был патриархом Константинопольским. Со времен Византийской империи глава Константинопольской Церкви имел титул Вселенского патриарха, что даже

в период османского владычества давало человеку, занимавшему константинопольский патриарший престол, огромные духовные и светские полномочия. Кроме того, пусть и формально, но в иерархии православных патриархов (Константинопольского, Александрийского, Антиохийского, Иерусалимского и Московского) Кирилл Лукарис занимал первое место.

К сожалению, мы не располагаем документами, которые помогли бы нам объяснить мотивы, побудившие голландца написать патриарху. И поэтому большой интерес представляют документы из фонда Гуго Гроция, в которых речь идет о патриархе Кирилле¹⁴. Это, в основном, письма, относящиеся к 1629–1631 гг. В этот период в Женеве вышло несколько изданий «Исповедания веры», составленного патриархом и вызвавшего громадный резонанс в европейском общественном мнении. Это, вероятно, и побудило Гуго Гроция обратиться к своему другу Й. Уитенбогарту с письмом, в котором тема патриарха Кирилла была одной из главных. Отвечая на него 20 июля 1629 г., Й. Уитенбогарт подробно писал о положении французских и швейцарских протестантов и о патриархе Кирилле¹⁵. Пастор тесно связывал эти темы, так как вполне обоснованно полагал, что публикация кальвинистского «Исповедания веры» под именем главы всех православных христиан может оказать важную поддержку кальвинистам Европы.

Значительный фрагмент письма посвящен анализу «Исповедания» Кирилла Лукариса. Документ составлен вскоре после того, как появилось первое латинское издание «Исповедания» (1629). Богословский сюжет — это ответ на просьбу Гуго Гроция, который уже читал сочинение и высказал Й. Уитенбогарту вполне определенное мнение. В этой части эпистолы пастор сначала касается причин, которые могли побудить греческого патриарха опубликовать столь необычный документ. «Одно из двух: или эта греческая церковь очистилась от старого учения (off dat de Grieksche kerken hare oude leere verandert hebben), или из-за того, что необходимо было сделать в благодарность, как если бы он обязан был помочь (off dat dese wat heft moeten stellen ad gratiam, als in hun gehouden om d'ontfangen weldaet)»¹⁶. И заключает: «Ваше Превосходительство сказали очень хорошо: ничего кроме денег (U.E. seyd seer wel: niet sonder gelt)»¹⁷. Таким образом, автор письма не только проясняет для нас позицию Г. Гроция, но и фактически, соглашаясь с ней, определяется в своем мнении.

Далее пастор вставляет цитату из письма Лукариса от 10 октября 1613 г., где говорится о положении патриархов. При этом сам тон

письма и даже насмешливое цитирование Лукариса: «Кирилл, патриарх Александрийский, писал мне из Константинополя, который теперь принадлежит туркам — по его словам многочисленным... (Cyrillus, patriarcha Alexandrinus, schreef eens aen mij de Constantinopolitano: quod vis Turcica — dit waren sijne woorden — ὡς ἐπὶ το πλείστον...)»¹⁸ — свидетельствуют по меньшей мере о недоброжелательном отношении автора к патриарху. Эта недоброжелательность, даже более того — враждебность, проявляется в следующей части письма, где Й. Уитенбогарт рассматривает некоторые артикулы «Исповедания»: о свободе воли, исхождении Святого Духа и крещении. Прежде всего пастор возмущен тем, что греки (в лице К. Лукариса), по его мнению, присвоили идеи Ж. Кальвина в вопросе о свободе воли. «Но как же могут они теперь говорить о свободе воли так, как будто они против свободы воли, ведь как писал сам Кальвин: “Грекам было не стыдно еще более надменно присвоить себе слово, так как они говорили о свободе воли и что власть была в руках самого человека” (Maer hoe kunnen zij nu soo spreken de libero arbitrio, als d’onse contra willen, dat sij seggen, daer Calvinus selve schrijft: Graecos non pudeisse multo arrogantius usurpare vocabulum, siquidem αὐτεξύσιου dixerunt, ac si potestas sui ipsius penes hominem fuisset)»¹⁹.

Далее автор письма отмечает, что вопрос об исхождении Святого Духа, разбираемый патриархом в «Исповедании» через формулу «a Patre procedere per Filium» (т.е. от Отца через Сына), вообще вряд ли поддается критике, «или они полагают этот вопрос теперь не столь важным? (Off en houden se die quastie nu niet soo nodich?)» — задает риторический вопрос Й. Уитенбогарт²⁰.

В заключение богословского сюжета Й. Уитенбогарт кратко комментирует позицию Кирилла Лукариса по таинству Крещения. Заключение артикула «Исповедания»: те, «кто не принял крещения, не имеют общения с Христом», — пастор сравнивает с суждением слепца. Ведь даже реформаты не абсолютизируют этого положения. «Неужели благом признается все, что они говорят, из-за сближения таинств? Тогда мне следует добиваться своей цели по-другому, проверять больше, иметь более изощренное мнение об этом! (Vind men dat all mede goed, dat sij seggen: sacramentum conferre gratiam? Dan ick laet dese ende ander dingen meer examineren, die scherper van oordeel)»²¹.

В чем же заключается это изощренное мнение Й. Уитенбогарта? «Из Аугсбургского исповедания <...> видно, что исповедание Греческой Церкви согласно с Аугсбургским, над чем насмеваются

даже иезуиты (Die van de Ausborchsche confessie hebben eens een groot boeck vuytgegeven van de conformiteyt van de confessie der Griexscher kerken met d'Ausborchsche; dan de jesuiten ende andere spotteden daermede)»²². Надо полагать, что в этой инвективе речь идет о сравнении лютеранского исповедания с исповеданием Греческой Церкви, а не с «Исповеданием» К. Лукариса, хотя в заголовке его сочинения утверждается, что это «Исповедание» всей Греческой Церкви. Ясно, что таковым оно не могло быть. И эта двусмысленность обыгрывается автором письма. Цель рассуждений пастора становится более понятной, когда он пытается по-своему взглянуть на историю контактов высших греческих иерархов с представителями протестантских стран, побывавших на Востоке. «Чего хотел Мелетий (Пигас. — В.А.), когда он советовался с господином Борелем²³? Это значит, что они находятся в крайнем затруднении. И нет ничего удивительного, что некоторые склоняются к [другому] мнению потому, что они надеются на что-то в обмен за это (Wat gevoelen had Meletius, als de heer Boreel met hem confereerde? Die luyden sijn in noodt ende arm. T'en ware gheen wonder, dat sij haer wat boogen nae de opinie van dese ende die, daervan sij wat verwachten)»²⁴. Таким образом, все контакты греческих архиереев с протестантами и действия Кирилла Лукариса объясняются Й. Уитенбогартом (и Г. Гроцием!) исключительно материальными соображениями. В этой связи неудивительным выглядит презрительное заключение пастора о Кирилле Лукарисе как о «жадном гречишке» (Greculus esuriens)²⁵.

Дополнительные аргументы в пользу своей версии Й. Уитенбогарт черпал в сообщениях французских газет. В частности, автор письма сообщал своему другу, что из «Французского Меркурия» он узнал о действиях английского и голландского послов, которые в крайней спешке готовили выход патриаршего сочинения в течение последнего года (1628–1629 гг.). «Я полагаю, — писал пастор, — что у нас предали это огласке, так как должны были спешить с “Исповеданием”, чтобы одержать победу (Ick heb opinie, dat onse luyden, soo haest sij, die confessie sullen hebben, also seer daermede triumpheren)»²⁶. Думается, что в данном случае пастор передавал действительно точную информацию. Это подтверждает высказанные нами ранее предположения, сделанные на основе переписки Кирилла Лукариса и швейцарского пастора Антуана Леже. Характер и содержание их кратких записок во время совместной работы над «Исповеданием» говорят, что сочинение писалось в крайней спешке. Ведущим в этом творческом тандеме явно был швейцарец. А если

учесть, что он прибыл в Константинополь по просьбе голландского посла Корнелиуса Хаги, то утверждения Й. Уитенбогарта верны.

Вместе с тем для Г. Гроция и Й. Уитенбогарта во всем этом деле скорее важна моральная оценка действий патриарха и посла. Причем, если в отношении К. Лукариса мнения обоих корреспондентов были максимально близкими, то в отношении посла — разными. Так, Гуго Гроций обвинял посла в цинизме и беспринципности, пастор же, напротив, считал, что действия голландского дипломата были вынужденными. По мнению автора письма, необходимо было как можно быстрее получить французский перевод «Исповедания». Это дело было поручено Даниэлю Тилениусу (или Ван Тилену)²⁷. При этом, утверждается в письме, надо было спешить, потому что сочинение писалось под давлением, а патриарх был против его публикации: появление «Исповедания» должно было вызвать одобрение в Голландии, и тогда никто не выступил бы против²⁸.

Данный фрагмент письма представляется чрезвычайно важным, так как обстоятельства написания сочинения почти неизвестны, и переписка между Антуаном Леже и патриархом, опубликованная Эмилем Леграном, их не проясняет. Итак, «Исповедание» хотели опубликовать как можно быстрее. А патриарх явно не торопился. Из утверждения Й. Уитенбогарта, что Кирилл Лукарис не хочет публикации на Западе, косвенно можно предположить, что он опасался последствий: «Исповедание» было уликой, обличавшего главу Вселенской Церкви в ереси. Его публикация давала оружие в руки врагов патриарха. Если раньше, до 1629 г., обвинения в ереси со стороны римской курии в адрес Кирилла могли с легкостью отвергаться как ложь, то теперь у прелата не оставалось пространства для маневра. Не случайно патриарх всячески затягивал работу над сочинением, прикрываясь в качестве щита своей крайней занятостью.

Но если письма Й. Уитенбогарта лишь косвенно свидетельствуют об интересе Г. Гроция к главе Греческой Православной Церкви, то в ряде писем, написанных им самим, мы можем найти многочисленные упоминания о Кирилле Лукарисе и оценки его деятельности, причем поражает разносторонняя и оперативная информированность автора. Например, в эпистоле от 21 февраля 1630 г., направленной Й. Уитенбогарту, ученый сообщает: «Предусмотрительные профессора сказали мне, что Кирилл составил новое “Исповедание” на греческом языке, которое удовлетворит всех протестантов. Он закончил его вместе с некоторыми епископами, слушавшими итальянского проповедника, который ныне расстался с домом Хаги (De

voorsejde professoren seggen mij, dat Cyrillus een nieuwe Confessie in t'Gryecx stelt wat generaler om alle de protestanten te contenteren. Hij ende enige bisschoppen met hem gaen bij wijlen hooren de Italiaenische predicatie, dye nu ten huuse van Haga)»²⁹. Очевидно, речь идет о втором издании «Исповедания», которое вышло в свет в 1631 г. в Женеве. Итальянский проповедник, о котором пишет Г. Гроций, — без сомнения, Антуан Леже, уроженец Пьемонта. Епископы, слушавшие А. Леже, — это греческие иерархи, которые поддерживали деятельность Кирилла Лукариса. Ими были, как правило, ученики патриарха, относительно молодые люди. Многие из них обучались на Западе: в Англии, Германии, Италии и Швейцарии. Среди них были и высокопоставленные персоны, такие, как митрополит Афинский или патриарх Александрийский Митрофан (Критопулос).

В приведенной выборке документов за 1629–1631 гг. упоминания о патриархе содержатся, главным образом, в эпистолах, отправленных Гроцием либо Й. Уитенбогарту, либо своему родственнику Виллему де Грооту. Очевидно, что для этих людей тема К. Лукариса была по тем или иным причинам чрезвычайно актуальна. Но если в отношении Й. Уитенбогарта мы можем с уверенностью судить о том, почему пастор столь долго интересовался личностью и сочинениями патриарха, то внимание к ним Виллема де Гроота объяснить пока не представляется возможным. Что касается самого автора писем, то складывается впечатление, что для него вопрос о судьбе Кирилла Лукариса и его «Исповедания» не менее важен, нежели политическая борьба и военные перипетии эпохи Тридцатилетней войны. При этом Гроция занимали все подробности: личность патриарха и его психологическая характеристика, полемика вокруг «Исповедания» в Европе и реакция Православного Востока на издание столь необычного для вселенского патриарха сочинения. Из писем голландца хорошо видно, что их автор собирает сведения об интересующем его предмете отовсюду: из Константинополя и Венеции, Польши и Франции. Он высказывается сам и интересуется мнением других.

В письме Й. Уитенбогарту от 6 августа 1629 г. Гроций, например, обращает внимание своего корреспондента на сочинение грека Петра Аркудия «О согласии Западной и Восточной Церквей»³⁰, а точнее — на посвящение королю Польши Сигизмунду III, получившее известность из-за обвинения Кирилла Лукариса в том, что он якобы содействовал умерщвлению Константинопольского патриарха Тимофея II в ноябре 1620 г. «Правду говорят, что когда-то эти самые еретики мучили несчастных греков и рутенов, а также доброго мужа, хотя и не

согласного с Римским Понтификом, Тимофея Константинопольского, погубив его с помощью яда, другого, Кирилла — псевдопатриарха Александрийского, воспитанника неистовых кальвинистов, навязали константинопольским грекам в качестве другого антипапы (sic!) за огромные деньги, заплаченные Турецкому Императору (Non destiterunt unquam illi ipsi haeretici vexare infelices Graecos Ruthenosque ac viro probo nec a Romano Pontifice dissentiente Patriarcha Timotheo Constantinopolitano vi veneninuperextincto alium quondam Cyrillum pseudipatriarcham Alexandrinum Calvinianae furiae alumnum soluta Turcarum Imperatori pecunia Graecis Constantinopolitanis quasi alterum Antipapam obtruserunt)»³¹. Смерть патриарха Тимофея, действительно, вызывала много вопросов и даже стала причиной волнений в Константинополе, однако причастность К. Лукариса к убийству, как и сам факт убийства, в историографии не доказаны.

В другом письме Виллему де Грооту от 5 апреля 1630 г. Г. Гроций привел мнение венецианского священника и миссионера фра Фульгенцио Миконцио (1570–1654), друга Паоло Сарпи. Венецианец, долгое время проповедовавший среди греков, если верить Гроцию, рассматривал «Исповедание» Кирилла как заблуждение и считал, что «... в обмен на мир тот достоин публичной казни, даже и против согласия <...> старой и молодой Греции (ob pacem protestantium evitandum fuerat, sed etiam contra consensum nititur veteris et recentioris Graeciae)»³². Главное теологическое заблуждение Кирилла Лукариса, по мнению фра Фульгенцио, кроется в вопросе о свободе воли. Вместе с тем итальянец считал самым страшным политическое воздействие сочинения вселенского патриарха, которое вело к расколу в христианстве. Мы не можем установить, откуда Г. Гроций узнал о словах фра Фульгенцио. Но слова итальянского проповедника могли повторить не только его друзья из кружка венецианца Паоло Сарпи, которые церковный раскол считали главной причиной конфликтов в Европе в XVI–XVII вв. Они одинаково осуждали и политику Кирилла Лукариса, и действия римской курии. Церковные разногласия негативно оценивали также Г. Гроций и многие сторонники ремонтрантов. Они тоже были настроены против папства и иезуитов. Политические взгляды, таким образом, объединяли две эти группы. Не случайно ремонтранты с большой симпатией относились к Паоло Сарпи и его сторонникам. Однако венецианец считал ремонтрантов еретиками и мало интересовался их религиозными и политическими сочинениями. В отличие от Г. Гроция, в данном случае итальянец был непоследователен. Мы не случайно остановились на сравнении идей-

но-политических взглядов умеренных католиков и кальвинистов — ремонтрантов. Процитированное выше письмо Гуго Гроция вместе с приведенными здесь фактами говорит о том, что общность взглядов представителей двух умеренных религиозных течений на деятельность Кирилла Лукариса и его личность происходила из общности взглядов на политические последствия церковных разногласий. Публикация «Исповедания», по мнению этих людей, вела к религиозным эксцессам, крайностям и человеческим жертвам, словом, была слишком дорогой ценой за богословские споры.

В этом контексте вполне понятно то удовольствие, с которым Г. Гроций сообщал 8 февраля 1630 г. Виллему де Грооту: «Мне рассказывают, что этот византийский грек напечатал не слишком много экземпляров “Исповедания”. Ведь в этом он сблизился только с кальвинистами, и не только люди нашей страны, но многие епископы и архиепископы из Греции и Востока выступают против (Narratur mihi illum Byzantinum Graecam cudisse confessionis formulam Paulo laxiorem. Nam illi quam ad solos Calvinisatum pedes aptaverat, non tantum nostri tractus homines, sed et e Graecia et Oriente plurimi episcopi et archiepiscopi contradicunt)»³³.

Таким образом, та часть европейской интеллектуальной элиты, которая выступала за веротерпимость и свободу вероисповедания, в частности, Г. Гроций, Й. Уитенбогарт, их соотечественники, разделявшие такие же убеждения, Паоло Сарпи и его кружок, в целом отнеслись к публикации «Исповедания» Кирилла Лукариса враждебно. Причина такой реакции крылась не столько в богословских расхождениях, сколько в политических и правовых взглядах этих людей. Гуманистическое, либеральное содержание их концепции предопределило неприятие ими конфликтов на религиозной почве. А сочинение патриарха Кирилла, по их мнению, как раз могло стать причиной нового витка борьбы между христианами. Именно между христианами, так как мусульманское общество (с которым олицетворялась агрессивная Османская империя) все же рассматривалось как потенциальный враг. Другой причиной, как мы видели, было подозрение в том, что религиозное диссидентство патриарха подкреплялось вполне конкретной материальной помощью, а следовательно, было неискренним. В итоге оказалось, что деятельность Кирилла Лукариса принесла некоторые политические выгоды только тем кругам антигабсбургской (шире — антикатолической) коалиции в Европе, которые исповедовали ортодоксальный кальвинизм или не гнушались контактами с патриархом-еретиком.

¹ *Legrand E.* Bibliographie Hellénique ou description raisonnée des ouvrages publiés par Grecs au dix-septième siècle. Vol. 1-5. Paris, 1894–1903. Vol. 1. P. 23; Hering Gunnar. 1. LUCARIS. Bestellmöglichkeiten des Biographisch-Bibliographischen Kirchenlexicons. Band V (1993). Spalten 404–408; 2. Ökumenisches Patriarchat und europäische Politik 1620–1638. Wiesbaden, 1968. S. 17.

² *Aymon J.* Documents authentiques de la religion des Grecs. A la Haye, 1708.

³ Там же. P. 127–130.

⁴ Cyrillus Lucaris aan J. Wtenbogaert // Brieven en Onuitgegeven Stukken van Johannes Wtenbogaert / Verzameld en met aantekeningen uitgegeven door H.C. Rogge. Eerste deel. 1584–1618. Документ № CXLVIII; Werken uitgegeven door het Historisch Genootschap, gevestigd te Utrecht: Kemnik en Zoon, 1868. S. 218–219. Это письмо является ответом на послание Й. Уитенбогарта. Оригиналы обоих документов хранятся в Академической библиотеке Лейдена.

⁵ *Aymon J.* Documens authentiques... P. 130-164; *Legrand E.* Bibliographie Hellénique... Vol. 4. P. 292–313.

⁶ Известно одно из писем Йоста Брассера Гуго Гроцию, в котором он обращается к нему «Mon cousin». См.: // Briefwisseling van Hugo Grotius / Uitgegeven door Dr. B. I. Meulenbroek. Vierde Deel. 1629–1630–1631. Документ № 1417 'S-Gravenhage, 1964. S. 86–87.

⁷ См.: Briefwisseling van Hugo Grotius. Vierde Deel.

⁸ Опубликовано: Том 1 в 1617 г., том 2 в 1620 г. (Лондон), том 3 в 1622 г. (Ганновер). Автор отправил несколько экземпляров своим друзьям, в том числе Г. Гроцию и К. Лукарису. Письмо Антонио де Доминиса, сопровождавшее книгу, было опубликовано в книге: Marcus Antonio de Dominis Archbishop of Spalatro. His Shiftings in Religion. London, 1624.

⁹ Briefwisseling van Hugo Grotius... Eerste Deel. 1597-17 Augustus 1618. 'S-Gravenhage, 1928. S. 592

¹⁰ В письме Давиду де Вилельму по поводу споров между ремонтрантами и гомаристами он писал, что «может быть найден способ и решение, которое могли бы соединить их, если только захотят сблизиться, оставив все другие стремления на второй план, чтобы не скрывать Слово Божье, а открыть его» (*Aymon J.* Documens authentiques... P. 172–175; *Legrand E.* Bibliographie Hellénique... P. 313–315).

¹¹ Доктрина Предопределения в ее ортодоксальном кальвинистском толковании вызывала непонимание у патриарха Кирилла, о чем свидетельствует его письмо Давиду де Вилельму от 20 марта 1618 г. (*Legrand E.* Bibliographie Hellénique... P. 325).

¹² Briefwisseling van Hugo Grotius... Negende Deel. 1638. 'S-Gravenhage, 1973. S. 94. Примечательно, что письмо написано Г. Гроцием по-гречески.

¹³ *Ibid.*

¹⁴ Переписка Г. Гроция была опубликована в девяти томах в специальной серии Голландского исторического общества: *Briefwisseling van Hugo Grotius Rijks Geschiedkundige // Publicatiën. Grote Serie 64–142.* 'S-Gravenhage, 1928-1973.

¹⁵ *Briefwisseling van Hugo Grotius... Vierde Deel. S. 74–78.*

¹⁶ *Ibid.*

¹⁷ *Ibid.*

¹⁸ *Ibid.* Греческая цитата дословная. Поясню, что цитируемое Й. Уитенбогартом письмо было написано Кириллом в то время, когда он был еще Александрийским патриархом (1601–1620). О причинах, по которым К. Лукарис попал в 1612–1613 гг. в Константинополь, см. выше.

¹⁹ *Briefwisseling van Hugo Grotius... Vierde Deel. S. 76.* Документ № 1412.

²⁰ *Ibid.*

²¹ *Ibid.*

²² *Ibid. S. 77.*

²³ Пансионарий Йохан Борель (1577–1629) совершил много путешествий на Восток, главным образом в Сирию и Палестину. Он оставил заметки о своих путешествиях. Й. Уитенбогарт рассказывает здесь о встрече Александрийского патриарха Мелетия Пигаса с Й. Борелем, во время которой обсуждались богословские и церковно-политические вопросы. Мелетий часто встречался с западными путешественниками и обсуждал с ними подобные темы, что дало повод некоторым протестантам считать его своим потенциальным союзником в борьбе против папства. Однако рассматривать это как стремление к сближению с протестантами вряд ли возможно. Подробнее см.: Малышевский И. Александрийский патриарх Мелетий Пигас и его участие в делах русской церкви: В 2 т. Киев, 1876.

²⁴ *Ibid.*

²⁵ *Ibid.*

²⁶ *Ibid.*

²⁷ Daniel Tilenius. *Lettres a un amy touchant la nouvelle confession de foy de Cyrille, soidisant patriarche de Constantinople.* Paris, 1629.

²⁸ *Briefwisseling van Hugo Grotius... Vierde Deel. S. 77.*

²⁹ *Ibid. S. 167.*

³⁰ *Briefwisseling van Hugo Grotius... Vierde Deel. S. 85.* Документ № 1416. Гроций цитирует издание: *Petrus Arcudius Corcyraeus presbyter. De Concordia ecclesiae occidentalis et orientalis in septem sacramentum administratione.* Lutetiae, 1626. Сочинение сначала вышло в Риме (без указания года), а затем в Париже переиздавалось трижды в 1619, 1626 и 1672 гг.

³¹ *Briefwisseling van Hugo Grotius... S. 167.*

³² *Briefwisseling van Hugo Grotius... S. 177.* Документ № 1489.

³³ *Ibid. S. 161.* Документ № 1476.